

A tall, curved glass skyscraper under construction. The building features a grid of windows and is surrounded by scaffolding at the base. The sky is overcast.

Юрий Михайлов

СВОЙ-ЧУЖОЙ БАНК

Юрий Михайлов  
**Свой-чужой банк**

«Издательские решения»

**Михайлов Ю.**

Свой-чужой банк / Ю. Михайлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831605-0

Деньги любят тишину... Об этом надо помнить всегда, когда идёшь обслуживать большие деньги. Много криминала и подлости возле больших денег. Вообще, некогда одна из самых сырых и обделенных жизнью категорий служащих, именуемая работниками сберкасс, вдруг так преобразилась, так стала шуршать денежными бумажками, так напиталась значимостью и величием, что возомнила себя «божеством». Им кажется, это они дают (неважно, что не свои, важно, что выдают) деньги людям... (цитата из романа).

ISBN 978-5-44-831605-0

© Михайлов Ю.  
© Издательские решения

# Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	14
Глава четвертая	19
Глава пятая	24
Глава шестая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

# **Свой-чужой банк**

## **Юрий Михайлов**

© Юрий Михайлов, 2016

ISBN 978-5-4483-1605-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Глава первая

Приближение осени чувствовалось во всем: шуршали под ногами ярко-бордовые листья, серебрился иней на коротко стриженной траве, чистый утренний воздух особенно громко разрывали гудки нервных автомобилей. Радость от наступающей осени сопровождала Гусева всегда: чем бы он ни занимался в эту пору, он чувствовал прилив новых сил.

Он неторопливо шел по старому бульвару, зная, что на противоположном конце его дожидается давнишний приятель, который примерно два года назад сбежал из госконторы по обстоятельствам, не терпящим отлагательств. Нет, не от того, что ему сделали предложение, от которого невозможно было отказаться. А от того, что это была последняя зацепка, которая позволяла ему в дальнейшем удержаться на плаву. Вонь от его служебного проступка была настолько сильной, что ему пришлось оформлять досрочную пенсию по инвалидности, а уже затем тайно устраиваться советником к своему давнему знакомому в банк...

Глебу Афанасьевичу Гусеву (в коллективе прозванным «Афанасич или Афанасий»), наоборот, ничто не угрожало. На днях ему исполнилось шестьдесят. Он сбежал от юбилейного трепа в отпуск, отсиделся с внуком на даче, где они ловили в пожарном пруду золотистых карасей и, по обоюдному согласию, тут же отпускали их в воду.

Он не захотел оставаться в департаменте, хотя его директорство, особенно в последние два-три года, имело отличные результаты. Их хвалили, им подбрасывали премии и, наконец, перед самим юбилеем, Гусеву, ничего не предпринимавшему для выбивания наград, указом президента был присвоен чин Действительного государственного советника. Это уже не шуточки: он стал большим генералом.

И, тем не менее, Глеб Афанасьевич решил уйти из департамента и уже сказал об этом руководителю аппарата правительства, а, главное, премьер – министру. Тот стоял за огромным письменным столом, не «выдержал удара», повалился в кресло:

– Ты что, обалдел!? А я с кем останусь? С твоими мальчишками? С пацанами?! – Он захлебнулся от возмущения, что-то начал гундосить, ну, точь-в-точь, как это делает известный пародист, изображая премьера на эстраде. И вдруг отчетливо:

– Мотивы! Мотивы на стол!!

– Я хочу заработать денег на старость, как сейчас говорят...

– Всех денег..., понял, да? Мы тебе какую пенсию положили?

– Хорошую... Почти как министру федерального правительства...

– Хо-ро-шую! – Передразнил премьер. – Я лично ходатайствовал об этом перед президентом, так? Плюс бесплатный санаторий на двоих, поликлиника... Да, ты че, парень, охренел! Пенсионер, чертов! Дай тебе Бог здоровья, конечно, еще настолько же лет жизни! А здоровье у тебя, если бросишь окончательно курить и выпивать, о-о-о, еще какое! Я и в подметки тебе не гожусь... Еще ни одну бабу, небось, не пропускаешь?!

Глеб Афанасьевич понимал, что спектакль сейчас закончится, что премьер «успокоится», что, конечно же, он не станет разменивать директора департамента на своего любимца – руководителя аппарата правительства, серого кардинала, с которым они прошагали по дорогам родины три десятка лет. А вот у Гусева с аппаратчиком – не сложилось, слишком близкими оказались их точки соприкосновения: премьер, общественные связи, протокол, заявления от имени и по поручению правительства...

Этому человеку, невзрачному, с потными ладонями и выцветшими от возраста сероватыми глазами, косноязычному и абсолютно неграмотному, почему-то все чаще хотелось самому, вместо премьера, выходить на «подиум». Ладно бы, если получалось: такую говорящую голову, принадлежащую фавориту премьера и жаждущую популярности, легче легкого использовать для дела. Но ведь он, к несчастью, только недавно перестал «ложить», а его сло-

варный запас прораба всесоюзных ударных комсомольскихстроек заканчивался, как правило, популярнейшей среди подчиненных фразой:

– Так шо, мы и по этим показателям вырвались вперед! И никакая б... нас не обгонит в добыче газа, нефти и руды...

– Куда собрался? – Уже миролюбиво спросил премьер. – Я знаю: эта задница не взлюбила тебя... Показал замену: Добронравов, Доброволин, Зае... Никак не могу запомнить такие простые фамилии... Ты видел его?

Гусев кивнул, ответил:

– Это не худший вариант, он хоть сам писать может... Все остальные – отстой, только треп, который – изнуряет. А собрался я к Гаруну, в «Агродар»... Говорит, что даст департамент, оклад в 10 раз больший, чем у меня сейчас...

– Врет! Он жмот, да и тяжело тебе с ним будет. Потому, как он – хам... Ни образования, ни воспитания, ни культуры! Считай, что это я тебе обо всех нас говорю, и о себе, в первую очередь... Ты что кончал?

– МГПИ, двухгодичные курсы МИДа и курсы менеджмента в Плехановке с дипломами, стажировка в «Штерне»...

– Вот видишь, а у него – два заочных: ЦПШ и ВПШ... Я хоть, слава Богу, Губкинский закончил, поучился, почувствовал себя студентом, опять же, академия народного хозяйства...

И уже без перехода:

– Я скажу ему при встрече, что мы тебя в обиду не дадим. А будет невмоготу, Глеб, не раздумывай, звони, возвращайся... Уж что-что, а должность зама—то всегда найдем для тебя...

Он обнял его, смутился своей щедрой растроганности, одернул кургузый пиджак, который вечно висел на нем как на плохой вешалке в плохом гардеробе.

– Не поминай лихом... Я, честно сказать, был за тобой, как за каменной стеной. Ну, да что теперь говорить. Держи нашу марку и береги здоровье, помни о годах... Говорю, как старший товарищ, почти на десять лет мудрее тебя...

...Открылся, будто выплыл из-за листвы старых деревьев, памятник великому чародею, в чьем творчестве русский язык всегда изучается параллельно с украинским. 52-й год прошлого столетия, тяжелейшее послевоенное время, а благодарные потомки возводят грандиозный памятник Гоголю. Его «Мертвые души» стали востребованы как никогда в наши дни...

Рядом с памятником, на чугунной скамейке, сидел персонаж из его бессмертных творений: серая кепка, выцветшая болонья куртка, тяжелые в рубчик брюки, массивные с толстой резиновой подметкой дешевые ботинки. Он будто весь был покрыт какой-то пленкой из плесени... Курил, папиросу прятал в рукав.

– Ё-моё, хоть бы шаг прибавил... Марку держишь... Хто мы! Мы из совмина! А хто вы? А вы – г... на палочке...

– Ладно, Срокин, не заводись... Ты уже себя затравил. Два года, старик, работаешь в другой организации, о тебе уже и помнить-то забыли. А ты все травишь себя и травишь... Все болячки у тебя от этого...

– Спать не могу! Я эту сволочь не успел завалить, до судов дошел, прецедент создал: впервые в конторе дело дошло до суда. Подчиненный, и ни какой-нибудь, а советник руководителя отрасли, подал в суд на своего непосредственного начальника из секретариата. Ужас, что было. Мне в 57 лет предложили пенсию оформить, чтобы только духа моего не было там... А, какой позор я пережил?!

– Ты проиграл, чтобы выиграть! Пусть они узнают теперь о твоём окладе и круге влияния.

– Вот в этом и есть мой шкурный интерес! Я тебя сведу с Гаруном по максимуму, но чтобы и ты меня не забыл. Чтобы и я в печати, на ТВ раз-другой профигурировал. А лучше будет, если ты возьмешь меня к себе замом...

– ???

– Я понимаю, что это необычное решение, что советником председателя быть – лафа, тем более, у такого, в этом плане, бестолкового начальника, как Гарун. Я ведь у него отвечаю только за его будущую диссертацию и подготовку книги – биографии. Как видишь, этот участок очень близко соприкасается с твоим направлением: ПР, реклама, информация... Вот сам Бог и велел нам сотрудничать... Вот мое предложение к тебе. Нет, это не условие... Это предложение!

– Дорогой Вилен (Владимир Ильич Ленин) Евгеньевич Срокин, ты ведь знаешь, что о моем переходе к Гаруну известно премьер-министру, что не далее как завтра-послезавтра он увидит его на заседании правительства и обязательно спросит: а как там мой Гусев? А кто у него в замах? Интересная картина? Продолжать?

– Не надо... Считай, что это моя великая просьба к тебе. Да, ты рискуешь смертельно... Но я до гробовой доски буду обязан тебе. Никогда тебя не сдам, сухой буду, если что!... Ты не сомневайся, Гарун пойдет на такой шаг, чтобы отдать меня к тебе.

– Не сомневаюсь, даже уверен, что и публикацию диссертации, и написание книги – биографии он поручит нашему департаменту... Но об этом позже. Когда он меня ждет?

– Одна деталь... Мы вчера говорили с ним поздно вечером, перед самым его уходом домой. Он вдруг высказал сомнение: надо ли сразу создавать департамент общественных связей. Я больше молчал... Но аргументы у него были сильные: пусть начнет с пресс-службы (это – о тебе), пусть наберет двоих, максимум, троих людей, раскрутит направления работы... Тогда можно будет рассмотреть вопрос об управлении, а потом уже – и о департаменте...

– Ты понимаешь, что ты говоришь?! Ты ни хрена не понимаешь, что говоришь! Два дня назад речь шла о департаменте, я разработал все: идеологию, концепцию, структуру, его штатную численность... Я уже говорил с некоторыми людьми, пригласил их на работу начальниками отделов и управлений... Ты—то понимаешь, что это такое?!

– Да, но вынужден тебя огорчить, я согласился с тем, что в его предложениях есть рациональное зерно!

– Прости, но ты чудак, как говорил Шукшин, на букву «М»... Как я буду выглядеть после всего этого?

В его глазах вспыхнули искорки, он постарался запрячь их за густыми неухоженными бровями. Молчал, явно наслаждался смятием Глеба.

– Значит, так, – как можно спокойнее сказал Глеб. – На встречу я не иду! Скажи своему шефу: если он и дальше намерен заниматься хреновиной, я работать у него не буду!

– Ну-ты, фу-ты, хватит кипятиться-то! Куда ты пойдешь-то, чудак, на букву «М»? В совмине уже всем объявил о своем уходе, а сюда – демарш!? Побежишь, как миленький, и любые условия примешь...

Гусев встал с тяжелой чугунной скамейки и также размеренно, как шел сюда, двинулся от памятника в сторону метро. Также шуршали листья под ногами, также гудели машины, но иней уже растаял, выступив на траве и листочках мелкими прозрачными капельками влаги.

– Стой! Стой..., – пытался догнать Глеба Срокин. – Это ты прошел испытание на вшивость! Пойдем на встречу! А камень в твой огород мне разрешил забросить Гарун, проверить тебя разрешил на вшивость!

– Запомни... Еще одно такое «испытание», придуманное тобой, и я скажу Гаруну, почему я не буду ни при каких обстоятельствах работать с тобой. Ты понял? Не слышу: ты понял меня?!

– Запомнил...

– Очень хорошо! А теперь проводи меня к председателю правления.

## Глава вторая

Банк располагался бездарно на четырех или пяти арендуемых за сумасшедшие деньги площадях. И хотя он имел свое здание рядом с набережной Москвы-реки, старинное, в стиле ампир, представление о нем, как о перенаселенном клоповнике, не менялось. В своем здании, естественно, смогли разместить лишь 2—3 подразделения и операционный зал для клиентов. Сотрудники психовали, мучились, переходя по несколько раз в день из одного корпуса в другой, одеваясь с запасом на любую погоду и прихватывая с собой зонтики.

Улочки здесь были настолько узкие и «кривоколенные», что весь изматеришься, пока найдешь место для парковки автомобиля и сумеешь притулить его к обочине. Своя же парковка обслуживала только членов правления банка. Столовой не было. Поэтому в обеденное время банк напоминал харчевню: запахи разогреваемых в СВЧ-печах блюд гуляли по всем этажам. Кто-то, рассказывали, умудрялся разогревать принесенные из дома «суточные щи»...

Сельская провинция чувствовалась во всем: от организации встречи гостей и провода их к руководству, до чистоты в туалетных комнатах.

...Гусев, стоя у нелепого заборчика на краю лестничного пролета, боялся скатиться по крутым ступенькам вниз, тихо зверел, каменел, набирался выдержки, говоря про себя: «Прости меня, Господи... Я знаю, что есть места, где людям гораздо хуже живется. Все готов понять и принять... Но ведь это же крупный банк страны... И таким хлевом выглядит...».

Наконец, нашли какую-то заявку на пропуск, которую искали секретариат председателя, его приемная, управление делопроизводством, служба безопасности (СБ), департамент по работе с персоналом. Срокин присутствовал при этом и чувствовал себя превосходно: он раз пять успел сказать каждому руководителю, в чьем подразделении могла затеряться заявка на пропуск, как безобразно у него работают сотрудники.

Наконец, раскрылись стальные двери мощного лифта, из них выскочил сорокалетний крепыш с улыбкой невинного ангела:

– А Владимир Владимирович вас заждался... Мы, в приемной, думаем, что это вы не идете и не идете...

– Надо разобраться со всеми, Стас, – солидным голосом сказал Срокин. – Заставили Владимира Владимировича ждать...

– Гостя заставили ждать из-за бардака в нашей системе... СБ, – обратился он к охране, – соберите со всех служб объяснительные записки. И воздастся вам...

Гусева повезли на четвертый vip-этаж. Снова на лестничной площадке охрана, но здесь уже их ждали, да и у Стаса в руках оказался собственный ключ-карточка от входной двери в отсек. Кругом видеорекамеры, четверо молодцов (личная охрана председателя) сидят на диванах в приемной. Плазменный телевизор в полстены забавляет их очередным душераздирающим сериалом. Много цветов в кадках, горшках и вазах. Из-под стола секретаря приемной к потолку вьются клубы пара от аппарата «искусственный климат». А на Гусева уже больше минуты смотрят зеленые глаза девочки. На фоне Стаса и особенно Срокина и охранников она была похожа на Красную Шапочку, попавшую в логово серых волков. Она встает, протягивает ему руку:

– Меня зовут Марина... Владимир Владимирович просил вас подождать две-три минуты... Пока вас ждали, к нему успел проскочить один из директоров филиала... Вам чай или кофе?

– Спасибо, ничего не надо.

– Тогда присаживайтесь...

– А вот я с удовольствием выпью кофейку, – почти продекламировал Срокин.

– Хорошо, – девушка нажимает кнопку на телефонном аппарате, тихо говорит, – Алена, для Срокина как обычно... Да, пока все.

Гусев не знал, куда присесть: охранники такие крепкие ребята, что, усевшись посредине дивана, для других места они уже не оставляли. До одного из них дошло: гость стоит, не зная, куда себя деть. Он поднялся, поправил кобуру с красной рукояткой пистолета, пошел в коридор. Из дверей навстречу ему вышла стройная совсем еще юная девушка с чашкой кофе и печеньем на подносе. На ней – светлый брючный костюм, ноги длинные, немного худые, болтаются в штанинах. Но при этом она оказалась обладательницей изумительной груди. Глеб отвел от нее взгляд, подумал: как рано начинают делать имплантаты...

Дверь широкая, нестандартная, расположенная прямо за столом Марины, открылась. Из нее выкатился маленький человечек, родом из селений Северного Кавказа, который продолжал бить себя в грудь, кланяться и расточать улыбки. За ним показался хозяин: среднего роста, плотный, но не толстый, хотя вся его фигура говорила: «хожу по лезвию бритвы». Еще чуть-чуть, совсем немного (килограмма два лишнего веса) и его понесет по всем кочкам. Он смотрел на Глеба, не обращая внимания на уходящего гостя, на Стаса и Срокина.

– Заходи, дорогой, – и, пропустив гостя вперед, зашел следом, плотно закрыл дверь. – Надоели все эти стукачи, слухачи, советники, ж... лизы... Спасу нет. Все хотят доказать, что не зря жрут государев хлеб... Ты знаешь, сколько у меня советников? Я сам уже не знаю, сколько... Вот только что «едроссы» порекомендовали ко мне в советники члена Совета Федерации, у него кончается срок полномочий, и какую-то женщину с двумя маленькими детьми. Наверное, чья-нибудь любовница... На днях в советники пролез бывший зампред ЦБ. Не хило, да?

– И что, все они деньги получают? – Спросил Гусев.

– Дорогой, они еще и нам с тобой дадут на молочишко... Кроме, конечно, женщины с детьми. Мы, как, на «ты»? Может, по грамульке, но я могу только красненького...

Он нажал кнопку селектора, сказал:

– Марин, зайди...

И Глебу:

– Я угощу тебя потрясающим зеленым чаем с молоком, специальным, для похудения... А пить мы сегодня не будем. В другой раз...

Вошла Марина, остановилась в дверях. Банкир сказал:

– Ты красивая женщина, я люблю смотреть на тебя... Но почему ты такая дур-рра?! Я же тебе говорил пять раз: мониторинг ложи перед самым носом, иначе я не успеваю отсмотреть... Ты же ложишься на край стола... Я даже дотянуться не могу... Уйди с глаз моих долой... Алене скажи, чтоб сделала моего чая...

– А вам? – всхлипывая, спросила у Гусева девушка.

– Иди-иди, и ему моего чая. И никого ко мне... Никого!

– Там Срокин рвется, говорит, что вы ему разрешили?

– Он тебе нужен? – спросил хозяин у гостя. И, не дожидаясь ответа, сказал:

– Гони его! Пусть работает над книгой, все сроки угробил, го... юк!

Гусев осматривал гигантских размеров кабинет. Кругом фотографии: хозяин с президентом, с премьер-министром, министром сельского хозяйства, спикерами обеих палат Парламента, кучей губернаторов... Отдельные темы – международная жизнь и награды: заграничные встречи, дипломы, медали, грамоты, львы с крыльями над головой, коровы-буренки, сувениры, сувениры с надписями и без них...

– И все это мое! И все это при мне!! Как оцениваешь?

– Хорошо оцениваю... Только я бы все эту роскошь разместил на трех – пяти огромных стендах да выставил бы все это богатство в коридоре при входе в vip-зону. Вот тогда бы это заиграло...

– Да! Да!! Да!!! – Заорал Гарун. – Кумекаешь! Молодец! Ай, да молодец! Сами сделаем или закажем?

– Конечно, закажем! Люди профессионально этим занимаются... Никаких денег на это не надо жалеть...

– И не будем...

Приехал на колясочке чай. Алена уже успела поменять брючный костюм на легкое шелковое платье. Она была очень красива. Светло-русые волосы при каждом шаге кольцами падали на плечи, проносясь мимо серых с зелеными искорками глаз. Но главной ее достопримечательностью, естественно, оставалась грудь. Гусев не мог удержаться: смотрел на вырез в платье, мысленно измеряя глубину ложбинки посередине, куда провалилась золотая цепочка с каким-то драгоценным камнем. Гарун улыбался, но молчал, ни словом не обмолвился. Когда девушка вышла, он спросил, напрямик:

– Понравилась? Немного худышка в бедрах, но все остальное – просто блеск, а? Я тебе ее передаю как сотрудницу нового подразделения. Будет обслуживать тебя, твоих журналистов, чтобы не стыдно мы выглядели на фоне Сбера или ВТБ.

– Сроки пытались...

– Решать тебе... Все знают, чего он стоит. Но он вроде бы тоже как бы порекомендовал тебя мне. Поэтому я не могу не прислушаться к его просьбе... В крайнем случае, выгонишь... Это-первое.

Второе: не обижайся, но я пока не хочу, ни управление, ни департамент заводить по твоему профилю. Мы, сельские, много лет работая с пресс-службой, привыкли к такому названию. Давай оставим такое же название, а? Плюс – дам статус самостоятельного структурного подразделения, плюс премия, ежемесячная. Думаю, что у тебя будет не меньше, чем у любого директора департамента... Откаты-закаты, ты меня понимаешь... А Срокина захочешь – замом поставишь, не захочешь – пусть сидит в советниках.

И последнее: судьбу предшественницы – решай сам. Я мысленно ее уже уволил. Все! Вот ее заявление, по собственному желанию... Это нечто... Еще сдуру пресс-секретарем ее назвал... А она капитаном абвгдейки оказалась, 20 лет у них проработала. Вот влип... Ну, слава Богу, что все закончилось...

И без перехода:

– Вопросы есть? Вопросов нет!

Нажал кнопку на селекторе:

– Константиныч, сейчас к тебе придет Глеб Гусев, помнишь наш утренний разговор? Сделай все, как он скажет... И от меня: все по максимуму!

– С испытательным сроком? – Донеслось из микрофона.

– Какой испытательный срок, дорогой! Он командовал десятками начальников, каким ты сейчас являешься... Да, потом отведи его к Алексеичу... Сам отведи! Я размещаю его у себя на этаже... (В микрофоне – мычание, междометия...). Нет места? Найдите! Выгоньте, на..., половину бездельников... Подожди, не отключайся, я сейчас, при тебе с Алексеичем переговорю...

Щелчок, хриплый голос:

– Приветствую, Владимир Владимирович!

– Что хрипишь, опять водку жрал холодную?

– Да вы же знаете, что я давно уже ничего не жру...

– Я тебе каждый раз буду напоминать, дорогой, чтобы ты на всю оставшуюся жизнь запомнил меня... Так, готовь новому пресс-секретарю машину с водителем...

– Не положено...

– Ты че, совсем о...!! Тебе начальник говорит, а ты – не положено...

– Только с директора департамента и то по вашему личному и письменному указанию...

– Я для краткости назвал Гусева пресс – секретарем... По приказу, он именуется – руководитель пресс-службы банка, возглавляет самостоятельное структурное подразделение... И еще: размести его у меня в отсеке...

– Так...

– Повторяю: он будет у меня в отсеке, расчисти территорию!

– Понял!

– Понял, чем старик старуху донял... Я как-нибудь, под горячую руку, уволю тебя, на..., Сергеев! Ты как тупой, слепой, глухой и немой... И все в одном разливе. Ведешь себя, как шпана уличная! Ты ведь солидное управление возглавляешь, в солидном банке...

– Так, мы что...

– Константиныч, ты все слышал? Не повторяй ошибок соседа по камере! Понял? Ха-ха-ха-хоо...

Гарун отключил селектор, взялся было за чай, глотнул его, тут же сплюнул:

– Ну, вот, опять все остыло. Попить чайку с хорошим человеком не дадут... Как у тебя, Глеб, отношения с премьером, с его замами, министрами?

Смотрит на Гусева хитрыми, немного бегающими глазами.

– Трудный вопрос, – говорит тот, – человек я дотошный по службе, неудобный. Приходилось и на министров бочку катить, когда они со страху на встречи с журналистами присылали своих заместителей. И врать им не разрешал, потому что журналисты все равно раскопают ложь: не сегодня, так завтра. Лучше все по-другому, по-умному подать... Но, главное, я так понимаю, не в этом? – Спросил он собеседника. И, не дожидаясь ответа, продолжил:

– Последние несколько лет я с женой бывал на днях рождения у премьера. Дважды меня приглашали на прием в Большой Кремлевский Дворец... В резерве на выдвижение стоял на замену министра информации и печати...

– Вот это да!! А что же ушел?

– Молодежь идет... За ними деньги идут... Огромные...

– Тут ты прав!

– Потом – не ужились мы с фаворитом премьера...

– Это го... нюк! Страшный человек!!

– Правда, премьер об этом знает, спокойно ко всему отнесся, даже назвал его задницей...

– А долго продержится премьер?

– Не думаю... Но конструкция здесь будет очень непростая, рассчитанная на год-полтора... Да, не педалируйте больше нигде слово – «абвгдейка», ладно?

– Понял, спасибо...

– Без обид?

– Ты с ума сошел, Глеб!! Я тебе так благодарен: живую речь услышал, живой ветер почувствовал...

– Не пасите меня специально, мне надо много ездить, ходить, встречаться, слушать, намазывать на ус, пить с людьми водку и опять слушать... И делать правильные выводы. Эта информация будет только для вас. Только! Даже с друзьями не стоит ею делиться...

И без перехода:

– Я понял, что нас в пресс-службе будет двое-трое, пока?

– Да бери, сколько хочешь, сколько надо! Хоть полсотни людей! Я против того, чтобы отделы, управления создавать... Правление, филиалы тем самым раздражать. Работай мобильными группами, помнишь, ты мне рассказывал о пресс-службе премьер-министра? Сектора, там, временные группы... А кто тебе такую хреновину сказал?!

– Сроки...

– Забудь! Вот, подлец... Надо что-то делать. Он так и будет тебя ревновать, значит, подставлять, значит, мешать работать...

– Значит, его надо приблизить на самое короткое расстояние, посадить на самый короткий поводок...

– Понял! Я приказ по нему отдам сразу после назначения тебя. А чтобы он не залупался, оклад ему оставлю как советнику, старый. Это, примерно, в половину твоей зарплаты будет...

– Неудобно так-то с человеком поступать...

– Чудной ты, Афанасич, мужик! Да он тебя уже всего обос..., хотя мы говорили о тебе два раза и то вскользь.

– Может, он по договоренности со мной действовал, чтобы правдоподобнее все выглядело?

– Да, пошел ты, шутильник! Мне знаешь, кто про тебя говорил? Бывший Зампредседателя Верховного Совета Иван Алексеевич, почетный пенсионер... Ты и у него работал помощником?

– Нет, в секретариате, заведом печатей... Но выступления ему на пресс-конференции готовил, целые шоу устраивал...

– Он сказал, что пошел бы с тобой в разведку... А я человек – советский. До кончиков волос. Я тридцать лет в банковской системе, вот этими руками создавал этот банк, растерзанный, затраханный, заплеванный, обманутый олигархами. А ты говоришь! Ну, мы с тобой еще обсудим эту тему, хорошо?

– Хорошо, Володя. Только при всех ты для меня Владимир Владимирович и на «вы». Это я о себе! Со мной поступай, как считаешь целесообразным, по обстановке. Об одном прошу: никогда не унижай достоинства... Я уйду и не вернусь.

– Это я знаю! Об этом меня уже предупредили. Давай работать, Глеб Афанасич, с Богом! Слушай, сделай мне пресс-службу, какая была у тебя с премьером!

## Глава третья

Приказ по назначению Гусева вышел на следующий день после их встречи с Гаруном. А Правление, собравшись накоротке, единогласно проголосовало за создание PR-службы банка, как самостоятельного структурного подразделения, и за Гусева, как ее начальника. Несколько позже Срокин был утвержден простым замом (не первым, хотя он просил об этом вполне серьезно, и его даже не смущало, что других замом в службе просто нет). И, сколько Глеб ни просил, Гарун не пошел на увеличение его зарплаты, да еще постоянно говорил, что и этих денег не стоило давать. Реально Срокин станет получать только половину от зарплаты своего непосредственного руководителя. То, что он потенциальный враг Гусева, тот знал и раньше. А тут еще проблема с деньгами, самым главным возбудителем негатива, добавилась.

Третьим сотрудником в пресс-службу пришла Алена. Она волновалась, сидела на приставном стуле возле стола Глеба Афанасьевича и умирала от страха. На ней был брючный костюм светло-кофейного цвета в полоску, белая кофточка практически полностью скрывала ее грудь, о которой Гусев хорошо помнил. В руках она держала какие-то бумаги.

– Кто вы, что с вами будем делать? – Спросил Глеб Афанасьевич.

– Меня зову Алена...

– Елена или Алёна?

– Елена Владимировна Стасова. О семье рассказать?

Глеб кивнул.

– Папа преподаватель-профессор и бизнесмен, мама – домохозяйка... Сестра работает в банке начальником отдела в международном департаменте...

– В нашем банке? – Немало удивился Гусев.

– Да, – заметив реакцию начальника, девушка чуточку оживилась, продолжила рассказ более энергично, – у нас много родственников работает. Вот фамилия Занаевых: папа, три дочки – все в банке, муж одной из них – водитель у зампреда... Не знаю, надо ли это говорить, но, будучи в приемной председателя, я слышала, что и двоюродный брат Занаева – старшего у нас работает. Я уж о филиале банка на Кавказе – не говорю: там, по-моему, половина его родни работает...

– Полезная информация, – искренне заинтересовался Гусев.

– У вашего заместителя сын работает в банке... А скольких людей он из своего министерства устроил...

– Стоп, о вашем непосредственном начальстве или хорошо, или ничего. Договорились?

– А я ничего плохо не имела ввиду... Здесь все так делают: ручаются друг за друга, поручаются... Здесь работает круг близких, связанных кровными узами, людей...

– Вам, извините, сколько лет?

– 24... Закончила институт, финансовый, знаю английский, компьютер, вожу машину...

Да, незамужем...

– Это хорошо, Елена Владимировна, что незамужем: у нас много работы выпадает на после 18 часов... Знаете, что такое мониторинг информации? Нет... Может быть, так даже и лучше, табула раза... Научу вас работать с чистого листа. Это будет пока ваше первейшее дело. Как пчелка, будете приносить мне всю информацию, включая иностранные информленты, раз знаете английский. Слышали выражение: кто владеет информацией, тот владеет миром?

– Не слышала, к сожалению... А Вилен Евгеньевич сказал, что он самым плотным образом будет работать со мной.

– Это, каким же плотным?

– Ну, он не владеет ПК... Ну, то есть у него компьютер мертвым стоит. Вот.

– А мы его на курсы отправим, а? Пусть осваивает ПК, становится продвинутым пользователем. Как, справимся полтора-два месяца без него?

– Конечно! А вы меня всему-всему научите?

– Кроме написания заметок в газеты, думаю, научу всему. Было бы желание. А сейчас запишите две книги по PR, найдите их в библиотеке и сильно проштудируйте. Я через день-два устрою вам экзамен.

Она стала перебирать листочки на коленях, уронила ручку, подняла. Потом у нее рассыпались листочки, один из них залетел прямо под ноги строгому начальнику. Глеб этого не заметил, а то бы достал его сам и уж точно бы не увидел спину девушки, оголившуюся из-под пиджака и блузки. Тело матово-белое, талия узкая, перечеркнутая черными шнурочками от современных мини-трусиков. «Самым плотным образом Срокин решил поработать с ней, – усмехнулся про себя Глеб. – Вот козел старый... Хоть бы волосы вырвал у себя из ноздрей».

А девушке сказал:

– С кухней, буфетом и кофеваркой будем заканчивать, Алена. Давайте делом займемся. Из вас финансовый журналист со временем может получиться... Ну, иногда, конечно, буду просить чашечку кофе заварить, когда очень большой журналист к нам в гости пожалует...

– Да я вам просто так буду кофе варить, Глеб Афанасич... Иришка, это сестра моя, назвала меня дурой за то, что я согласилась идти к вам работать. А я так рада... Других людей увижу, чему-то другому научусь, познаю что-то в жизни кроме дебита и кредита...

Глеб Афанасьевич сидел и думал: годится ли это очаровательное создание ему во внучки: «Она почти приходится мне внучкой, – думал он с явным огорчением. – Боже Праведный, как бегут годы! Сколько остается неузнанным, незавершенным, даже нетронутым...». Он вспомнил свою семью: два взрослых, более-менее пристроенных в жизни, сына, четверо замечательных внуков, стареющая, как и он, жена, любимая им также сильно, как и в далекой молодости... И ему стало не так грустно от ощущения своего возраста, не так больно от того, что он слишком резко подвел итоговую черту под всей своей жизнью...

Сколько длилось молчание, он не знал. И Алена сидела все также неподвижно, даже не смея придвинуться к спинке стула. Она ждала, когда он отойдет от своих мыслей, вспомнит о ней и продолжит разговор. Внешне он выглядел моложе ее отца, 58-летнего, высокого, несколько даже худого по сложению, человека. У Глеба Афанасича, ее нового начальника, была большая голова с высоким лбом, а дорогая старинная оправка с затененными стеклами, которые он иногда протирал большим носовым платком, почти полностью скрывала серые с голубоватыми искорками глаза.

«Сейчас такие оправы уже не носят, – думала Алена. – Он, как папа, весь в прошлом. Но не маскируется, не подстраивается под современность и гуляющую моду. Нос у него прямой, но не длинный. Он чисто выбрит, пахнет приятными духами, похожими на папины духи – „Рома“. Губы полные, но их полнота скрадывается волевыми складками, собранными в уголках рта... Зубы свои, хотя иногда видно золото коронок... Господи, мне ведь от него ничего не надо, – девушка продолжала украдкой разглядывать Гусева. – Я что, карьеру, что ли делаю... Мне обрыдли приемная, мат и хамство начальника, глупость старшей сестры, которая тоже начинала с приемной и не гениальными мозгами высидела должность руководителя отдела...».

Ей стало неудобно перед старшей сестрой, о романах которой с несколькими крупными начальниками в банке не говорили разве что ленивые. Тем более, именно в этой связи она вполне осознанно призналась себе: «Я буду служить ему столько, сколько он во мне будет нуждаться...».

Но как современный тинэйджер, накопивший какой-никакой любовный опыт, она прекрасно понимала, что напрасно распаляет себя. Надо ведь знать главное: нужна ли она ему? «А то перебросит меня на это чудо-юдо замшелое, на своего заместителя, и, о Господи, что я тогда буду делать?». – Алене вдруг захотелось плакать.

– Ну, что, коллега, я принял решение: оставляю вас здесь, в этом кабинете. Вот сегодня-завтра уйдет бывший пресс-секретарь, и мы обустроим его. – Сказал эту фразу Глеб Афанасьевич легко и просто, как будто они с новой сотрудницей проработали уже ни один месяц или даже год, как будто научились понимать друг друга с полуслова. – Без меня вам придется перехватывать все звонки, а для этого будете знать, где я, когда приеду (приду), какие мы ведем проекты, какие финансовые договоры у нас в работе и т.д., и т. п. Боитесь?

– Нет, – сразу и решительно ответила Алена, – с вами я ничего не боюсь...

– Ну, что, отметим это решение чашкой кофе? Не возражаете, если я позвоню в приемную и попрошу девочек?

– Нет уж, в честь праздника – начала работы – разрешите это сделать мне самой, Глеб Афанасич?

Они пили вкусный кофе, поедали шоколадные конфеты и были только вдвоем, потому что старый пресс-секретарь бегала с оформлением перевода в другой департамент, который Глеб буквально вымолил для нее у председателя. А Срокин отпросился в Подмоскowie на весь день для оформления каких-то своих дачных бумаг.

Раздался звонок. Алена посмотрела на Глеба. Тот одобрительно кивнул.

– Пресс-служба банка слушает. Здравствуйте, – сказала помощница красивым, поставленным голосом. Она минуту-другую молчала, не перебивая собеседника, произнесла слово «минуту» и зашептала, зажав трубку рукой:

– Если я правильно поняла, это из минсельхоза... Мужчина, хочет переговорить с вами по важному вопросу.

– Узнай, как зовут и какая у него должность? – Почему-то перешел на «ты» Глеб Афанасьевич.

– Простите, как вас представить? Так, хорошо, поняла...

И уже Гусеву:

– Советник секретариата Лев Веняминович Холод...

– Молодец! – Сказал Глеб. – Все умненько сделала...

И, кашлянув в переданную Аленой трубку, которая была еще влажной от ее дыхания, сказал:

– Приветствую вас, Лев Веняминович. Внимательно слушаю.

– Вы один в кабинете?

– Нет, со своей помощницей...

– Я сейчас в здании банка, освобожусь буквально через пять минут, и буду ждать вас на улице. Сможете выйти, максимум, на 10 минут? Мне поручил переговорить с вами Эдуард Александрович Цымбарович – помощник министра...

– Может, ко мне зайдете, угощу вас кофе, посидим, поговорим?

– Стены – уши... А кофе мы попьем в кафе на углу за вашим зданием – открылось вчера. Вот и обновим его, а?

– Хорошо, через пять минут я буду в кафе...

Алена не спускала глаз с Гусева, готовая выполнить любое его поручение.

– Садись за мой стол... Не обидел, что перешел на «ты»? Я – в соседнем кафе, есть важный разговор. Мобильный со мной, но это пока мой личный... Вот его номер, и я хочу просить: никому не давай его, кроме Владимира Владимировича.

– Вы не на пять минут, конечно...

– Так принято говорить... Думаю, что встреча займет не меньше 40—50 минут. Не скучай. Вот одна из книг, начинай читать...

Когда Глеб зашел в кафе, он понял, что Лев Веняминович, который тут же помахал ему рукой, не заходил в банк: он так и ждал его, сидя за столиком. Пожали друг другу руки, официантка стояла рядом, готовая принять заказ. Гусев попросил чаю.

Холод курил, в пепельнице уже было с полдюжины окурков.

– Вы все понимаете? Я не хочу засвечиваться в банке. Разговор сугубо между нами, хорошо? Даже ВВГ (Владимир Владимирович Гарун) не должен знать. Я уж не говорю о вашем зама – Срокине. Кстати, зачем он вам нужен? Мы бы вам подобрали молодого, современно мыслящего зама из нашего министерства...

И без перехода:

– Вы помните Мамина? Он возглавлял в банке информационную структуру по нацпроектам. Крупная в прошлом фигура. Но его кто-то слил: ВВГ узнал компру о «распиловке» бюджетных денег... Вы видите, я с вами играю в открытую карту...

– Видимо, вас уполномочили играть открыто? Но вы не спросили, надо ли мне все это, хочу ли я играть с вами?

– А вы не спешите! Мы с вами, примерно, одного возраста, скоро будем не нужны в основном штате, и нас тихо уберут из поля зрения. А жизнь-то продолжается. И, ох, как нехорошо становится человеку, который вынужден отказывать себе в трате 3—5 тысяч долларов в месяц. Тем более, он к этому привык...

Он помолчал, заговорил не так напористо:

– У нас разговор простой. Вы соглашаетесь принять на себя структуру Мамина с его сотрудниками или без них, уволив всех к е... м..., продолжаете параллельно с PR-ом банка работать над информационным сопровождением нацпроектов и держите марку минимум год. Год! И мы тогда все успеваем сделать... За это время вы получите департамент, станете членом правления банка со всеми вытекающими привилегиями, получите беспроцентный кредит на приобретение достойной квартиры или коттеджа в Подмосковье... Ну, и главное: на счете в оффшоре вас будут ждать два процента от известной всем нам суммы! Думаю, вам стоит...

Подошла официантка, расставила кофе для Холода, молоко и заварной чайник для Гусева. Тот попросил у нее принести дополнительно еще круасан со сгущенным молоком, разогретый. Холод понял, что Гусев спокоен, что специально воспользовался паузой. Он принял это за хороший знак...

– Я не спрашиваю о ваших полномочиях... Но согласитесь, вы уже один раз залетели. И, видимо, только благодаря тому, что Мамин был крупной фигурой, вы все отделались легким испугом. Теперь, надо думать, вы стали предельно осторожны, схему вы отработали идеальную: в случае чего, сразу и окончательно горит только один человек – уполномоченный заниматься всем этим, то бишь я.

– А как вы думали?! Два процента – это не шутка! Плюс всё сопутствующее вам в работе, которое будет предоставлено меньше, чем за год! Да, я вам прямо скажу: если вы за этот год даже палец о палец не ударите, вы все равно будете в фаворе. Это мы все берем на себя.

– Кто вы?

– Вам-то какая разница?! Схема отработанная. Вы знаете, что Цымбарович – доверенное лицо у министра?

– Не уверен. А ВВГ? Разве они не друзья, не партнеры?

– О чем вы говорите!?! Это же совсем другой уровень, это несопоставимые вещи! Я так и думал, что вы ни черта не представляете, что это за уровень отношений...

– А у нас, значит, свой уровень?

– И тоже, кстати, не хилый. В общем, так: сутки думайте и, в случае вашего согласия, милости прошу ко мне на встречу... Я, думаю, что через два, максимум, три месяца вы будете замом ВВГ. А он и знать не будет, за какие заслуги вы получили такой статус и от кого. Он будет знать лишь одно: все находится под его личным контролем и все исходит, естественно, только от него!

– Вы писали наш разговор?

– Я похож на идиота?!

- Можно, я спокойно съем круасан и выпью настоящего чаю?
- Расскажу вам анекдот, пока вы...

Официантка принесла выпечку – горячий румяный круасан. Глеб с таким аппетитом принялся его поглощать, что Холод забыл об анекдоте. Он смотрел на него, как на дурачка, который так и не понял, о чем с ним только что говорили, и в какую задницу он может попасть в случае малейшего сбоя в работе придуманной ими схемы.

Но Гусев-то, как раз, все это хорошо понимал и рассчитывал, что после чая он обязательно поблагодарит Льва Веняминовича, а заодно, и Цымбаровича, помощника министра, за доверие. Правда, скажет, и другое, что с его, гусевской, миссией они круто разошлись: у них разные пути и разные хозяева...

При внешнем спокойствии, Глеба буквально колотило. И, чтобы как-то успокоиться, он стал думать о внуках.

## Глава четвертая

Владимир Иванович Стасов ни к одной из известных ветвей фамилии Стасовых не принадлежал: ни к революционерам, ни к ученым, ни к деятелям искусства. Родившись в глубокой провинции, он в школе получил кличку Стас, которая так и прошла с ним до самой Менделеевки. Учился Владимир легко, химия всегда была у него любимым предметом.

Странного и непонятного основному контингенту школы учителя химии Ивана Терентьевича он обожал. Тот был даже несколько показным демократом: любой ученик, выполнив контрольную или лабораторную работу раньше школьного звонка, мог выйти из класса, потратить свободное время на свои нужды. Однако руководство школы на эту проблему смотрело по-другому: нередко завуч приводил на урок Ивана Терентьевича «праздно шатающихся» учеников. Но спорить с «химиком от бога» никто не решался, и поэтому процедура «приводов и гуляний» регулярно повторялась.

В столицу Владимир попал впервые, приехав на вступительные экзамены в химико-технологический институт. Слава Богу, тогда уже входило в моду проведение школьных олимпиад, и его в Менделеевке знали. Он не был лауреатом всемирных олимпиад по химии, но на уровне страны входил в твердую десятку юных дарований. В вуз он поступил легко, даже играючи. И с первого курса его стал патронировать Аркадий Маркович Эвентов, профессор, очень деловой, с предпринимательской жилкой, как теперь говорят, преподаватель. Еще в те далекие годы он зарабатывал репетиторством в десять раз больше, чем преподаванием. После третьего курса он и Владимира вывел на эту стезю.

Эвентов привел его в свой дом, в прекрасную почти 200-метровую квартиру в районе МГУ с двумя туалетами и застекленной теплой комнатой вместо лоджии. Как-то само собой получилось (Владимир может поклясться, что их никто не сводил специально), он подружился с дочкой Аркадия Марковича, студенткой иняза Московского областного пединститута, – Зоей. «Фамилия, брат, нас подводит, – сказал после лишней рюмки коньяка Володин наставник. – Фамилия...». Тогда тема не получила своего развития. Но после сдачи Владимиром экзаменов в аспирантуру, под квоту которой Аркадий Маркович положил все свои связи, состоялась своеобразная помолвка молодого аспиранта и выпускницы иняза. Да, чего там греха таить: Зоя была уже на четвертом месяце беременности.

Владимир обожал свою жену, хотя она не была красавицей: выше среднего роста, широкая в кости, с удлиненной талией и копной черных вьющихся волос на гордо поднятой голове. Она сама не раз говорила ему, что после родов у нее будет мощный таз и что обязательно укоротятся ноги.

– Дурочка, ты моя, – обнимал жену Владимир. – Да, откуда тебе-то знать?

– А ты видел мою бабушку по папиной линии: я вся в нее пошла...

– Так она просто красавица!

– Правда? Тебе нравится бабушка Фира? Как она тебя любит! Это она отстояла наш брак... Все, даже мама, были против... Национал-фобисты чертовы, хотели меня разлучить с тобой. Видите ли, им надо какие-то колена собирать! Вот мы родим с тобой четверых ребят, и все колена сразу пополним и соберем...

До родов Зоя не работала ни дня по своей специальности: она только хотела любить Владимира, рожать для него детей, воспитывать их здоровыми и полезными обществу. И двигать, таким образом, его науку, за которую он несет персональную ответственность. Она так сильно любила мужа, что иногда ей казалось: она теряет рассудок только от того, что на защите кандидатской диссертации он может получить несколько черных шаров.

С родами случилось не все так просто: со старшей дочерью, Ириной, Зою пришлось положить на сохранение. Ребенок родился недоношенный, капризный, давал им прикурить: дочь

орала ночи напролет. Зоя ни разу не пришла в спальню к мужу, не потревожила его сон. Владимир в это время работал над диссертацией. А когда он сам приходил в детскую комнату, Зоя, сидя на низком диване, тихонько шикала на него, причем, каждый раз говоря одно и то же: ты ходишь как медведь, разбудишь родителей... Владимир готов был расплакаться от чувства нежности к своей ненормальной жене. Он садился на диванчик, прижимал к груди курчавую голову жены, а потом подсовывал под нее маленькую подушечку и ровно опускал ее на широкий и мягкий подлокотник дивана: Зоя засыпала мертвым сном. А молодой ученый только тогда брал на руки вдруг замолчавшую, строго смотрящую на него дочку и начинал с ней разговаривать:

– Что, дорогая моя, Ирина Владимировна, урожденная Стасова, по матери Эвентова? Орать привыкли? Негоже так себя вести! Вон как мамку-то ухайдакала! Тебя бы на мою маму, то бишь, твою бабушку Олю... Ты бы вмиг научилась вовремя и есть, и спать, и гулять! Больно уж балует тебя мамочка Зоя...

Дочь, на удивление, скоро засыпала, и Владимир каким-то невероятным способом размещался на диванчике, где уже пятый сон видела его супруга. В такие ночи Владимир, как правило, просыпал на работу, которая состояла, в основном, из репетиторства. Ученики приходили к ним на квартиру, где мать Зои, Светлана Моисеевна, разводила их по разным комнатам: старшие начинали работу с отцом, младшие, абитуриенты, ждали, когда умоется и позавтракает Владимир.

...Еще не было митингов, еще никто не бегал с транспарантами, еще только массы приступали к изучению газет с материалами апрельского пленума ЦК КПСС, а Аркадий Маркович уже закрылся с зятем в своем (у Владимира, естественно, не было кабинета) кабинете и повел такой разговор:

– Дело добром не кончится... Поверь мне. Главное, что сейчас нужно сделать – внести последний самый большой взнос в кооператив, то есть фактически выкупить квартиру. У меня есть 19 тысяч, этого хватит даже на новую мебель... Все-все, молчи... Потом отдашь. Дети, внуки – наше самое главное вложение, наш основной капитал... Я все, естественно, оформляю на себя, поскольку в списке очередников кооператива стоит моя фамилия, потом переведу, извини, на... Зоиньку, как дарение. А как же: вдруг что-то случится у вас в супружеской жизни?

– Что вы за человек, Аркадий Маркович, вам бы только людей оскорблять! Да не нужен нам с Зоей ваш кооператив, без вас обойдемся...

– Да, каким это образом, молодой человек? Вы меня не дослушали, голубчик. Ваша задача – другая: срочно выходить на защиту докторской диссертации... Я практически все подготовил, осенью, после каникул, можно попасть на первый ученый совет: народ расслаблен, не собран, злых и неудовлетворенных – меньшинство. Вот мы и проскочим... Хотя, я верю в твою диссертацию, это 100-процентный проходной труд!

– Ну, все, хватит, – сказал Владимир. – Мы уезжаем к маме Оле, поживем там, оглядимся, даст Бог, не пропадем...

– Вы безумец! Вы погубите мою дочь и внучку! Вы представляете, что сейчас начнется в стране? Вы спросили мою дочь, Зою Аркадьевну, по этому поводу?

– Кошмар, какой-то! Куда я попал? Больные что ли все?

– Это вы можете стать больным... И, если это потребует, мы докажем! У нас вторая ветвь родословной – врачи, психиатры, в том числе...

– Да, пошел ты...

Владимир вылетел из двери кабинета и сразу столкнулся с женой. Он по инерции обнял ее крепко-крепко, как бы стараясь защитить от кого-то.

– Что ты, милый? Что с тобой? Кто тебя обидел? – Быстро заговорила Зоя.

– Пойдем со мной в комнату...

– Нет, подожди, я зайду к папе. А ты – иди, я сейчас приду, там Иришка одна, присмотри за ней...

Владимир стоял, набычившись, он еще никак не мог отойти от недавнего разговора. Дверь в кабинет оказалась незакрытой, и он услышал голос жены:

– Ни слова, папа! Я пойду за этим человеком в огонь и воду... Ты даже не понимаешь, какую ошибку ты совершаешь... Это я о дороге к Храму. Мы проживем пока у бабушки Фиры, она нас давно приглашала... А ты успокойся и найдешь вариант, как извиниться перед моим мужем.

– Ты даже не знаешь, о чем идет речь!?

– Мне и не надо знать... Из твоего кабинета выскочил разгневанный и униженный мой муж... Муж мой! Я и он – одно целое! Значит, ты и меня унизил, оскорбил или еще какую-то гадость сделал. Все, остановимся на этом...

– Он тебя в тьму таракань собирается увезти, видите ли, к бабушке Оле...

– За-ме-ча-тель-но! Мы там несколько лет не были. Гениальная идея! Пойду собирать вещи...

...Они уехали к маме Владимира, рыбачили на реке, загорали, пили свежее молоко и ели яички из-под несущки. Спали с Зоей вдвоем, без дочки, на сеновале. Владимир любил жену каждый день, бывало – по несколько раз за ночь. Она стала стройная, худенькая, загорелая, коротко остригла волосы, почти смогла распрямить их от завитушек, и, если надевала косынку, то ничем не отличалась от местных русских баб.

– Хочу выкрасить волосы, стать блондинкой... Не возражаешь? – Спросила как-то жена.

– Возражаю... Зачем ты подстраиваешься под местных? Глупенькая, я люблю тебя такую, какая ты есть... А, впрочем, делай, что хочешь! У нас с тобой – «ночи разврата»!

– Тебя уже Иришка ревнует ко мне, замечал? Ты бы поласковее с ней...

– Ни фига себе... А я и не знал этого! Ну, женщины, ну порода?

После лета 85 года Зоя объявила, что она беременная. Она радовалась, как ребенок, говорила, что это Господь услышал ее молитвы. Это Он дает еще один шанс, скрепил ее дух, придал ей силы. Теперь она, вон, какая крепкая, загорелая, статная, и что родит она легко и просто.

Так все и произошло. Рожала она в местном стационаре, где были совмещены и больница, и поликлиника, и фабрика-кухня для приготовления детского питания. Бабушка Оля, сама медик, не отходила от Зои. Девчонка родилась крупная, белая, длинноногая, волосики пшеничного цвета, глаза – светло-серые, почти голубые. Господи, как радовалась Зоя:

– Она в вашу породу, – говорила жена Владимиру, а сама светилась счастьем, – в истинно – русскую породу Стасовых!

Назвали дочь Еленой, в честь бабушки Владимира – Елены Евлампьевны Стасовой, первой подержавшей на руках правнучку. Ну, а поскольку в семье сошлись две Елены, то младшую как-то потихоньку, незаметно для всех, стали называть Алёной.

Москвичи прислали телеграмму, поздравили, правда, довольно сдержанно, с рождением дочери, приглашали приехать, поскольку Зоина кооперативная квартира стояла пустой. А Владимир Иванович Стасов к этому времени уже успел дослужиться в местном индустриальном техникуме до должности директора. Зоя пошла учителем в школу, оставив девочек на бабушек – Олю и Елену. Ее английский и французский языки были безупречными, об этом говорили все не только в школе, но и в городе. Будущие абитуриенты записывались к ней за год, и она практически никому не отказывала, при этом, не переставая, говорила, что в школе она ничуть не хуже объясняет предмет. Денег Зоя не брала, эта была закрытая тема, чем вызывала явное неодобрение со стороны других репетиторов.

Так семья Стасовых вращалась в среднерусские просторы с их небыстрыми и неглубокими реками и речушками, с ужением рыбы, травными покосами, сеновалами и парным густым молоком. Девчонки росли, как на дрожжах, ухоженные, сытые, крепкие. Иришка – со смоля-

ными волосами, завитыми в крупные кольца, Алёна – пшеничная, почти голубоглазая, чуточку длинноногая, похожая на кузнечика.

Когда старшая дочь пошла учиться в местную школу, москвичи-родители-дед да бабка – поняли, что внучек им не видать, как собственных ушей. Во тьму таракань приехала бабушка Есфирь (та самая Фира), врач-психиатр, еще крепкая и любвеобильная женщина. В это время за ней ухаживал то ли седьмой, то ли восьмой претендент в мужа. Она сразу подружилась с бабушкой Олей, физиотерапевтом местного разлива, потом долго тискала девчонок, провела им полное обследование на предмет наличия и отсутствия всего женского. Увиденным она осталась весьма довольна. Особенно ей понравилась русская Алёна. «Это – уникам, это надо изучать, это чудо Господнее! Стасова Елена Владимировна, русская по отцу, еврейка по маме... Я более русской девчонки не видела. Я свожу ее в Израиль, там все лягут от зависти и не встанут. Оля, вы дадите мне ее на месяц-другой?».

– Родители не разрешат, мала еще... – сказала «мама Оля», которую так называли теперь все – Владимир, Зоя, Ирина и Алена.

– Родители! – Требовательно позвала Владимира и Зою бабушка Фира. – Вы помните, кому вы обязаны любовью? Замужеством, наконец?

Родители закивали, покраснев, при детях.

– Поедем все вместе на родину Зоиных предков?... Господи, там оденетесь прилично, за копейки можно так отовариться, хоть в князя...

– Из грязи – в князи, – почему-то с грустью в голосе сказал Владимир Иванович. – Нет, баба Фира, – сказал он, – мы еще не готовы. Так, Зоенька? Дайте нам попривыкнуть, подрасти чуток. Это никуда от нас не уйдет...

Зоя подошла к мужу, обняла его со спины, тем самым как бы закрывая тему разговора.

Потом баба Фира и внучка Зоя долго шептались на кухне. Владимир понял только одну услышанную случайно фразу, сказанную женой:

– Пусть отец придумает, как переписать квартиру на Владимира... Тогда мы будем готовы к разговору.

И второй раз в их жизни психиатр Есфирь Ушеровна Авис сделала невозможное: отец Зои не только сумел каким-то образом переписать квартиру на Владимира, но и извинился перед ним в присутствии практически всех родственников с их стороны.

Стасовы переезжали в столицу больше года. Сколько было слез в школе у Зои! В парткоме техникума Владимира Ивановича за «измену малой родине» грозили исключить из партии и лишить права занимать руководящие должности. Девочки ни в какую не хотели уезжать без «мамы Оли» и бабы Елены. Владимир Иванович настолько комфортно стал чувствовать себя в родном городке, что, честно говоря, плевать хотел на столицу. Ну, и что, что он несостоявшийся доктор наук, что из того, что не получит в техникуме звания профессора? Времена-то, посмотрите какие: вузы закрываются, люди с голоду умирают...

Но переезд все же состоялся. Жили плохо, денег, если бы не репетиторство, практически не было. Конечно, родня со стороны Зои помогала, тут уж ничего не скажешь. Это тебе не русские раздолбаи. Тесть начал пристраивать зятя то к одной, то к другой теме, которые находили свое практическое применение и в фермерстве, и в лесоразработках. Нередко они стали участвовать в подготовке макетов-стендов для иностранных компаний, выставляющих свою продукцию на ВДНХ.

Но, по большому счету, заслуга тестя была в другом: каждый день, он, как дятел, долбал Владимира за докторскую диссертацию. Втянул его в науку, тот снова почувствовал вкус к брошенной теме. И что удивительно: через год он блестяще защитился в той же Менделеевке. Вот вам и новый российский ученый, умеющий не только защищаться, но и зарабатывать на своей теме. Еще через год Владимиру Ивановичу, заместителю заведующего кафедрой,

с учетом директорствования в крупном индустриальном техникуме, присвоили почетное звание профессора.

ООО они создали с немцами уже как партнеры, 50х50 процентов. Дело пошло: тесть стал научным консультантом, Владимир Иванович – генеральным директором, с их стороны были еще главный бухгалтер и главный технолог. А вся производственная база со всеми вытекающими последствиями полностью стала немецкой. Обороты по итогам первого года деятельности фирмы превысили более 10 миллионов долларов США. Их компания практически полностью заменила металлические трубы на, назовем условно, пластмассовые, в газовом и коммунальном хозяйствах нескольких северных городов. И к моменту трудоустройства Ирины в банк, хотя она могла бы работать представителем отца в Германии, но не захотела, компания Владимира Ивановича оценивалась, приблизительно, в сто миллионов долларов.

У Алёны тоже не было никаких иллюзий по поводу развития семейного бизнеса, его продолжения, расширения и т. п. Она, как и Ирина, закончила финансовый институт, правда, по совету мамы Зои, успела параллельно окончить курсы МИДа с основным языком – английским. В отличие от старшей сестры – просто обожала автомашины. Отец не баловал ни одну, ни другую дочь: купил им по «Пежо» разного цвета и на этом закрыл автомобильную тему. А то, что дочери оказались в одном банке, это заслуга уже Ирины: она вытащила младшую сестру в старшие специалисты. Вот только плохо, думал не раз Владимир Иванович, что дочери пошли через приемную начальства. А, с другой стороны, думал он, жизнь, когда – никогда, все равно придется познавать.

Ирина познавала жизнь страстно, она оказалась карьерной девочкой, честолюбивой. У нее быстро появился бой-френд, мальчик, ставший, благодаря родственнику в министерстве, очень молодым начальником отдела банка. Но это так: он рассматривается как «спящий вариант». Она сама нашла высокопоставленного руководителя, перешла к нему в секретариат, а через три – четыре месяца уже стала заведовать этим секретариатом.

Кто-то донес жене начальника о ситуации, стал назревать приличный скандал. Начальник курировал и международную деятельность банка: Ирина уехала на несколько месяцев на подготовку выставок для иностранных гостей. Вернулась в банк еще более привлекательной, загорелой, с кучей знакомств и иностранных вздыхателей. И заняла должность начальника отдела. Все в банке уверены, что это далеко не последняя должность в ее послужном списке.

Алена – другая. Она немного восторженная, верит в горячую любовь, настоящую дружбу. Искренне любит родителей, своих многочисленных бабушек и дедушек, обожает отца, многих поклонников меряет по его меркам. Вот неделю назад познакомилась с новым руководителем PR-службы, очень интересным и необычным мужчиной. «Обидно, – думала девушка, – что он почти ровесник папы... Но я все равно пойду к нему, хочу узнать, как там, за горизонтом, где нет бухучета, где не „ложат“, где боготворят и уважают женщин... Что нового я там познаю? Какой-то новый опыт должен быть и у меня?».

## Глава пятая

Вернулся Глеб злым, взъерошенным. Молчал, дождался, когда Алена освободит его стул, сел. Не развязывая, сорвал галстук, смотрел на книгу, которую читала девушка. Долго смотрел, не понимая даже, что перед ним лежит.

Алена прижалась к стенке, готовая слиться с ней, чтобы стать незаметной.

– Не стой так... Садись за второй стол...

– Да, но там еще...

– Садись! Я скажу, она сейчас уйдет. Потом все заберет, вечером, ночью...

Опять долго молчали.

– Извини, но ты все же иди ко мне, – сказал Глеб Афанасьевич голосом с хрипотцой, – будешь писать на моем компьютере...

Он встал, пропустил Алену к компьютеру, заговорил:

– Новый файл, сделай пароль... Без бланка, на простом листе... «Только В. В. Гаруну», это справа, вверху... Дальше, как обычно: «Уважаемый Владимир Владимирович! Довожу до вашего сведения, что...». И он стал быстро диктовать фразу за фразой, предложение за предложением... Алена довольно легко успевала за ним: речь его лилась абсолютно грамотно и понятно. Она умудрялась даже вникать в отдельные «страшные», по ее меркам, вещи, о которых будто только ей рассказывал Глеб. Он успокоился, хрипота ушла, временами голос переходил буквально на шепот.

Закончив диктовку ровно под конец второй страницы, Гусев, чтобы не тревожить лишний раз сотрудницу, наклонился к экрану, почти прижался к ее боку. Пробежал текст, показал пальцем на экране в трех местах: эти куски можно убрать. Сказал:

– Редактуру сделаешь сама...

Не разъяснил, как это делается, что это такое, и направился в коридор. В дверях остановился, добавил:

– Естественно, никому ни слова! Я сейчас вернусь...

Алена растерялась, стала перечитывать текст, пыталась понять, о чем идет речь. А речь шла о попытке присвоения бюджетных денег, выделенных на информационное сопровождение нацпроекта на селе. Она решила подстраховаться, сделать два варианта редакции. В первом случае от текста шефа она оставила чуть больше полутора страниц. На ее взгляд, здесь все выглядело понятным и доходчивым. Во втором варианте – получилась страничка с хвостиком, но абзацы выглядели рваными, хотя и здесь было абсолютно понятно, что высокопоставленный сотрудник министерства попытался склонить руководителя пресс-службы банка к хищению части госфинансов. Взамен предлагались «откаты» и различные карьерные блага.

«Вот, подлецы, – в сердцах думала девушка, в третий раз перечитывая подготовленные ею тексты, – неделю не дали человеку поработать... Уже берут в оборот! Хорошо, что он решил рассказать все председателю... А я, чем и как я могу ему помочь? Вот бы он снова прижался ко мне, когда будет читать текст... Я бы его приласкала, успокоила... Нет, детство все это. С ним говорить надо, чтобы он выговорился, чтобы ему легче стало... Чтобы он понял, что у него есть я, его надежный и верный друг!».

Дверь открылась, вошел Глеб Афанасьевич. Молча, подошел к столу, все время смотрел в глаза Алены. Сказал:

– Вижу, ты испугалась? Не надо... Пусть это будет пока только наша с тобой тайна. Больше мне не с кем поделиться, ты одна у меня: и сотрудница, и помощница, и верный товарищ... Давай прочитаем еще раз, что получилось?

– Я сделала два варианта... Я не знаю, что такое редакция и прочее... Вот, как поняла, так и сделала...

И он опять прижался к ее боку, такой большой и теплый, пахнувший никотином и кофе... «Вот, уже где-то успел попить кофе. И курить стал, – успела подумать Алена. – Пусть читает подольше, я передам ему свою энергию и спокойствие...».

– Запомни: большое начальство воспринимает печатный текст размером до одной странички, ну, можно еще, для солидности, один абзац завести на вторую страничку. Все! Поэтому оставляем второй, короткий, вариант. Хотя первый у тебя получился лучше. Теперь сделай следующее. Спрячь оба варианта... Да так, чтобы их, кроме тебя, никто не смог найти. Мне выведи один, короткий вариант, на бумагу. И все, больше этой информации ни для кого нет, пока я не скажу, что пора ее открывать. Правда, есть вводная: если со мной что-то случится, ты сама откроешь информацию и передашь ее ВВГ... Вы в приемной так зовете Гаруна между собой?

Сердце у девушки сжалось, ей стало трудно дышать. Она даже не представляла, что такое может твориться в их банке, в этой, по ее представлениям, европейской, легкой и элегантной службе, названной двумя красивыми буквами – «PR». Она механически нажала «печать», затем засекретила файл с письмом для председателя и посмотрела на Глеба, держа в руках листочки с текстом, который впервые в жизни отредактировала сама.

– С почином, тебя, – сказал Глеб Афанасьевич, – с боевым крещением!

Он одной рукой взял у Алены листочки, а второй – поднял ее подбородок и хотел поцеловать в щеку. Но сотрудница испугалась, дернула головой, и его губы коснулись ее рта. Он смутился, это девушка почувствовала сразу: как-то воровато облизнул ее мягкие не накрашенные губы и тут же отпустил подбородок.

Заговорил нарочито спокойно, даже равнодушно:

– Приглашаю тебя в Домжур, может быть, вечером ты свободна? Я договорился с Борисом Непомнящим о встрече, посидим, попьем кофе... Хочу посоветоваться с ним по возникшей ситуации.

– Вы знаете Бориса Игоревича?! Вот сюрприз... Он несколько раз приходил к ВВГ в мое дежурство...

– Ну, вот, а теперь ты предстанешь перед ним, как строгий и бескомпромиссный сотрудник пресс-службы, его работодатель! Тебе не раз придется решать с ним оперативные вопросы. В том числе, и по освещению поездок нашего командира по городам и весям... Да, мало ли что: это крупнейший поставщик информации по селу.

– Глеб Афанасич, вы, простите, что возитесь со мной...

– Во-первых, сегодня ты – мой единственный в наличии сотрудник. Во-вторых, так получилось, что Борис будет с супругой. А до моей жены информацию по посещению ресторана надо доводить, минимум, за два дня. В-третьих, мне будет приятно побыть рядом с красивой молодой женщиной... Хотя, я придерживаюсь мнения классика: старость на фоне молодости смотрится отвратительно. Так что радости мало...

– На самом деле, я не возражаю! Только папе позвоню... Можно, я скажу, что у нас деловая встреча?

– Это так и есть, на самом деле, – Глеб Афанасьевич невольно улыбнулся.

...Домжур стоял почти пустой, кавказцы прямо у входа жарили шашлыки, кого-то, скорее всего, из гостей подвального ресторана «Дрова» обильно тошнило на ступеньках крутой лестницы.

– Скоты! – Услышав знакомый голос, Глеб повернулся, увидел подходящих к центральному входу Домжура Бориса Непомнящего и его жену – Людмилу (в народе – Милу). – Все за... рут, жарят на мангалах, лишь бы бабок нарубить...

– Боря, поаккуратнее, Глеб с девушкой, – это специально громко прошептала Мила.

Обнялись, расцеловались, побыстрее прошли внутрь здания.

– Мил, я тебе об Алене рассказывал, – бросил Борис фразу. – Если бы тебя не было, я бы точно стал добиваться ее руки...

– Чтобы стать ее отцом? Или дедом? – Жестко отпарировала Мила.

– Ну, и сотрудниц ты, старик, заводишь... Как в модельном агентстве. Вот, помню, была у меня одна ассистентка режиссера...

– Боря, все умирают с голоду... Байки твои попозже пойдут на ура, – Мила легонько прикрыла его рот ладошкой.

Директор ресторана обнял Бориса, трижды расцеловал, познакомился с остальными. Гусеву сказал:

– Я вас точно обслуживал на банкете съезда союза журналистов... Вы еще тогда отказались от должности секретаря, такой скандал учинился...

– Ничего себе, Гусев, а я и не знал, с кем иду на ужин... Что-то не сложилось с новым демократическим руководством журналистики?

– Два кандидата в секретари союза оказались параноиками, слава Богу, их вовремя раскусили. Один – лишь носитель фамилии и трубки. Четвертый – ставленник юриста из Парламента... Представляешь, какой конский цирк собрался...

– А ты думал, все будет как в совмине: телефон с гербом, нажатие кнопки и все встают по стойке «Смирно!»...

– Боря, – сказала Мила, – не ерничай... Помни: сейчас Глеб – твой основной работодатель и финансист.

– Вот так в своей фирме держать бухгалтером родную жену...

Борис был красив: высокий, стройный, орлиный нос, смоляные волосы, прямая спина, а развитая мускулатура проступала из-под пиджака. Он вел на ТВ собственную программу о селе, был 10—12 раз в году модератором крупнейших сельскохозяйственных форумов, как в России, так и за рубежом. Его знала столица. Но, главное, не в этом: его не просто знала, а обожала и любила глубинка. Хотя, думал Глеб, спроси, что заметного в журналистике оставил лично журналист Б. Непомнящий, не ответишь.

Организатор, менеджер, хозяин, владелец тележурнала, информагентства, собственных газеты и радиостанции... Вот итог его деятельности за последние 15 лет. Борис почти на 10 лет моложе Глеба, никогда не был на государственных должностях, поэтому время перемен воспринял легко, рисковал смело, уничтожал противников яростно: за оболочкой свойского парня скрывалась хищная и предельно осторожная натура.

С Глебом они были знакомы давно, с тех времен, когда еще в конце перестройки Борис работал простым корреспондентом газеты «Известия». Так и дружили, попадая в совместные командировки, коротая время в провинциальных гостиницах и местных кафе, обслуживая сильных мира сего, надумавших, вдруг, выехать на день-два в глубинку. Гарушина же Борис не раз выручал, когда после очередного наезда на его банк какого-нибудь олигарха, тот оставался не только без денег, но даже без компьютеров. Он размещал его на своей территории, давал попользоваться оргтехникой. Они были на «ты», дружили семьями. Вот поэтому Глеб и решил посоветоваться с Борисом и по банку, и, главное, по недавнему разговору с министерскими «мальчиками».

Стол был не просто заказан, но уже и сервирован, и большинство закусок выстроились в ряд, показывая все прелести кулинарного искусства. Глеб наблюдал за Аленой: глаза ее расширились, губы увлажнились, придав лицу детское и даже наивное выражение, будто она попала в давно ожидаемую сказку. Борис специально перетасовал карты: он оказался рядом с молодой сотрудницей, а Глеб ухаживал за Милой. Простой бухгалтер в медиахолдинге Бориса, она стала не просто женой хозяина фирмы: на нее были заведены основные активы и миллионные суммы. В холдинге за глаза все звали ее «Мама Мила». Она, конечно, знала

об этом, но не обижалась: некогда было заниматься интригами и глупостями, так честно призналась она Глебу при очередной встрече на каком-то званом ужине.

Пили: Алена, поскольку была на машине, колу, Борис и Глеб – водку, Мила – французскую минералку. Она сегодня тоже была дежурная по джипу, впереди ее ждала дорога под 40 километров и не всегда асфальтированная. Они уже второй год старались, несмотря ни на что, хотя бы ночевать в загородном доме.

Ели: в соответствии с желанием и вкусом. Глеб выбрал люля на углях, за другими он не следил. Хотя, Алена, похоже, выбрала куриные потрошка с итальянской пастой. Во всяком случае, запах от блюда исходил изумительный.

Тамадил Борис, поэтому Алена смеялась до слез. А Глеб тихо разговаривал с Милой. Она выслушала пересказ разговора с Холодом, долго молчала, наконец, сказала:

– Боря, вам с Глебом надо покурить на воздухе. А мы – пошепчемся без вас.

Борис встал, накинул на плечи пиджак, достал пачку кубинских сигарет—сигар и пошел к выходу.

– Что, стрик, приперло? Не успел войти в наш коровник, а уже понесло навозом?

– Хуже, отстоим из свинарника...

– О, как! – Они вышли на открытую веранду внутреннего дворика, закурили крепкие, потрескивающие на огне сигареты, уселись в плетеные кресла. Борис кивнул официанту, тот закрыл входную дверь. Глеб вкратце пересказал, что уже успел изложить и на бумаге, и в разговоре с Милой. Долго курили, молчали.

– Мамина сдал я. – Прозвучало это настолько неожиданно, что Глеб чуть не подавился сигаретой. – Хаметь и наглеть нельзя, даже, если ты бывший депутат, президент известного общества и товарищ министра... Он сначала, по-честному, перевел мне для работы хорошую часть денег... Ну, бизнес-план, сметы, все, как положено, утвердили... Мы уже приступили на портале и радиостанции обрабатывать часть денег. Вдруг приходит и говорит:

– Дай мне..., – и заламывает заоблачную цифру.

– Разреши узнать, для чего? – Спрашиваю. – И часто ли ты будешь приходить с такими просьбами... Мне ведь заказ надо выполнять!

– Не твое говенное дело! Эти деньги – для «самого»!

– До «самого» я не стал прорываться, хотя ничего не было проще: на следующий день мы вместе с ним и Гаруном летели в ФРГ на «Зеленую неделю». Я спросил у Гаруна. Тот растерялся... А потом осатанел. «Сука! – кричит. – Это еще деньги банка! Мы еще ни копейки не получили и не заработали, а он уже рвет, стервятник...», – и пошел в VIP-салон. Утром вышел приказ: на работу, в здание, Мамина уже не пустили.

Опять молчали довольно долго, Борис снова закурил, спросил:

– Тебе все понятно или разжевывать надо?

– Мне понятно... Спасибо за откровенность. Что с Цимбаровичем делать?

– А ничего: позвони ему завтра и скажи, что ты срочно должен приехать к нему...

Он от всего открещется. Впрочем, не звони, если пойдешь к ВВГ. А идти надо: это вторая попытка... Ох, брат, не завидую я тебе!

– Ничего, брат, прорвемся. Мы тоже не валенком сделаны. Не на улице нас подобрали!

– О кэй, закрыли тему... Как ты такую девочку увел у ВВГ из-под носа?

– Он сам мне ее отдал.

– Боится, что не выдержит... Ха-ха-ха-ха, или боится, что не справится, подальше от позора, сплавил тебе...

– Ладно, не хами, она мне во внучки годится...

– Тем более приятно. Сам почувствуешь, как молодеешь...

– Ты меня подбросишь до проспекта? Там я уже до дома пешочком дойду, подышу.

– Так девочка и подбросит своего начальника... Может, еще и услугу окажет прямо в машине?

– Борь, расскажу Милке, она приберет тебя...

– Вот этого не надо делать! Черт с тобой, будь девственником... Ты прав: не люби, где живешь...

Вернулись, увидели милую картину: две кумушки почти сошлись носами, что-то друг другу рассказывают.

– А вот и мужчины! Все порешали, революций пока не будет? – Мила засмеялась, за ней Алена, громко, искренне, не понимая, что повода для смеха нет. Пили кофе, ели мороженое. Глеб не мог оторвать глаз от девушки: он давно не видел такой незащищенной и открытой невинности. Будто она в кругу близких родственников сидит, зная, что ее никто не обидит, что ее все любят и боготворят. «Боже мой, девочка, – думал Глеб, – что мне с тобой делать? А ничего-го... Пусть все идет, как идет. Это ее жизнь, и она должна ее прожить сама».

Борис положил еще тысячу рублей поверх уплаченного им счета, поднял руку, когда Глеб полез за бумажником:

– Вот получишь первую зарплату, тогда и простишься по полной программе. Алена, ты в боевой готовности? Без меня здесь водку не пила? Тогда повезешь Глеба домой!

Пауза. Молчание затягивается. Включается Мила:

– Вот, балабол! Не слушай его, девочка. Езжай домой тихонько и с Богом... А мы Глеба Афанасича доставим домой, нам по пути...

– Нет, что вы, я, пожалуйста, я могу... Я просто не ожидала и испугалась, – вдруг очнулась она от шока.

– А у него дома никого нет... – это опять Борис. Мила снова, как и при нашем знакомстве, закрыла Борису рот ладошкой.

– Ну, и что? Я взрослый человек...

– Все-все, взрослый человек, на работу завтра не опаздывай. – Глеб примирительно гладит Аленину руку. – Дома о наших болячках – лучше промолчать, тем более, сестре...

– Ну, что вы, Глеб Афанасич, я же не маленькая.

Она встала, легко набросила на плечи пиджак, незаметно тронула рукой волосы и направилась к выходу. На нее смотрели со всех столиков ресторанного зала.

– Страдания юного Вертера..., – промычал Борис.

– Выходи, козел, старый, – это Мила.

До проспекта, где неподалеку жил Глеб, доехали, на удивление, без пробок, быстро. Попрошались. Идя к дому, Глеб почему-то вспоминал, как легко села в машину Алена, как быстро завела ее и, не раздумывая ни секунды, рванула с места. Правда, перед этим она подошла к нему попрощаться, сказала две фразы: «Спасибо. – И еще одну. – Жаль, не сбылось то, что я загадала...».

Сказала только ему: ни Борис, ни Мила не слышали этих слов.

## Глава шестая

Семьи, как таковой, у Гусева уже фактически не было. Глеб Афанасьевич продолжал по инерции, по старой привычке, поить жену утром чаем или кофе в постели, убегал за час-полтора до работы из дома и приходил поздно вечером, чтобы поужинать обязательно первым блюдом – супом, который он органически не мог есть в столовых. Разговор с женой за столом велся о детях-внуках, их радостях и, не дай, Господи, болезнях. Уже почти десять лет они с женой были только вдвоем: из дома ушел и младший сын, поселившийся с семьей на съемной квартире. Старшему внуку – футболисту, уже 11, посматривает на девочек, хотя до сих пор при встречах ждет от деда «Киндер-сюрприз» или Чупу. Младшие внуки – дошколята, они поздние дети: еще один – у старшего и двое – у младшего из сыновей.

На работе Глеб столько перелопачивал за день информации, столько прочитывал обзоров российской и зарубежной прессы, что к вечеру уже не мог ни читать газет, ни смотреть телевизор, ни слушать радио. Только обзор новостного блока он мог еще выдержать и то финальный, выходящий на ТВ около полуночи. Поэтому все вопросы о политике, событиях, ЧП, ДТП, ценах и т.п., которые пытались с ним вести домашние, он отметал сходу. К этому привыкли, вопросов не задавали.

Да, он еще утром знал, что на мировом рынке подскочили цены на рис. Эту информацию докладывали по линии МИДа, Минвнешторга, СВР и других компетентных органов его шефу, премьер-министру. И тот, соответственно, принимал решение. От Глеба и его департамента премьер ждал предложений: как успокоить население, как преподнести информацию, чтобы позиция правительства была умной, взвешенной и, практически, правдивой. Не правдоподобной, а правдивой. Почему «практически и правдивой»? Потому, что в заявлении правительства не скажешь, что в мире жесточайшей конкуренции мы получили такой сильный пинок под зад от наших давних вроде бы друзей и коллег из юго-восточной Азии, что сначала даже растерялись: они вдруг полностью отказались от поставок нам крупной партии риса...

И тон этой информации (пресс-релиза) со второго или третьего захода находился, одобрялся премьером и запускался в мировую коммуникационную сеть. Ну, о чем здесь рассказывать родственникам?! Глеб лишь говорил, что запастись крупы не надо: через день – два ажиотаж пройдет и все вернется на круги своя. Ему верили, но обижались за скрытность, которую особенно чувствовали его родные братья, до выхода на пенсию успевшие стать большими людьми.

Глеб Афанасьевич понимал, что часть своего, скажем так, служебного авторитета, он как-то незаметно в семье растерял. Это случилось, наверное, потому, что семья практически ничего не знала о его работе в совмине: они даже не слышали о его наградах. Но медаль и особенно орден «Знак Почета», полученный им из рук президента большого Союза, были для Глеба не пустым звуком.

Сейчас семья вдобавок стала еще осторожнее относиться к скачкам давления у отца: никаких лишних разговоров. Хотя здоровье, тьфу-тьфу, не точило закаленного в молодости горами и прошедшего армейскую службу шестидесятилетнего пенсионера. Лишь вечерами и ночью сказывалось давление, да побаливала правая голень, разбитая в футбольном детстве. Глеб никогда не насиловал себя физическими упражнениями, но последние годы он привык к палке, которую ему подобрал старший внук. Он был неразлучен с ней по утрам, разминал суставы и позвоночник. Плюс многочасовые прогулки по лесу в выходные дни... Этого пока было достаточно для соблюдения им физического равновесия.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.